

8. Novyi zapovit i knyha psalmiv, (1988) New Testament and Book of psalms, Gedeon, USA.
9. Revutskyi, D. (1938), Shevchenko i narodna pisnia [Shevchenko and folk song], Mystetstvo, Kharkiv, Ukraine.
10. Ukrayinski narodni dymy ta istorychni pisni (1955), [Ukrainian folk songs and historical songs / Ed. M. T. Rylskoho], Publishing house of Academy of Sciences of USSR, Kyiv, Ukraine.
11. Shevchenko, T. (1987), Kobzar [Kobzar], Dnipro, Kyiv, Ukraine.
12. Shevchenko, T. (1978), Works in V vol., Dnipro, Kyiv, Ukraine, Vol. V.
13. Shevchuk, V. (2001), Verbum personae Hypostasis word: Rozmysel [Personae Verbum, hypostatic Word : Rozmysel], Tvim interior, Kyiv, Ukraine.

УДК 821.161.2 – 311.6:398

## **ФОЛЬКЛОРНИЙ ІНТЕРТЕКСТ РОМАНА Д. МОРДОВЦЕВА «ЦАРЬ И ГЕТМАН»**

**Гринь Ю.В.**

*Запорожский национальный университет, ул. Жуковского, 66, г. Запорожье, Украина*

**yuliya\_grin@bk.ru**

В статье анализируются специфика, функции и формы фольклорного интертекста романа Д. Мордовцева «Царь и гетман». Произведения русского и украинского фольклора, вошедшие в текст романа на уровне цитат и аллюзий, функционально подразделены на два ряда. К первому ряду относится интертекст, дающий оценку описываемой эпохи и характеристику историческим персонажам; а ко второму – интертекст, раскрывающий внутренний мир героев, передающий их чувства и переживания.

*Ключевые слова: интертекст, фольклор, исторический роман, цитата, аллюзия.*

## **ФОЛЬКЛОРНИЙ ІНТЕРТЕКСТ РОМАНУ Д. МОРДОВЦЕВА «ЦАР І ГЕТЬМАН»**

**Гринь Ю.В.**

*Запорізький національний університет, вул. Жуковського, 66, м. Запоріжжя, Україна*

У статті аналізуються специфіка, функції та форми фольклорного інтертексту роману Д. Мордовцева «Цар і гетман». Твори російського та українського фольклору, які увійшли до тексту роману на рівні цитат та аллюзій, функціонально поділені на два ряди. До першого ряду відноситься інтертекст, що дає оцінку описуваної епохи і характеристику історичних персонажів; а до другого – інтертекст, що розкриває внутрішній світ героїв і передає їхні почуття та переживання.

*Ключові слова: інтертекст, фольклор, історичний роман, цитата, аллюзія.*

## **THE FOLK INTERTEXT IN THE D. MORDOVTSSEV'S NOVEL “TSAR AND GETMAN”**

**Grin Yu.V.**

*Zaporizhzhya National University, Zhykovsky str., 66, Zaporizhzhya, Ukraine*

This article is an attempt to analyze the specific character, functions and forms of the folk intertext in the D. Mordovtsev's novel “Tsar and Getman”. Constituting a part of the novel's intertextual level, the folklore texts give a better idea about the culture of the past as well as about the country's history. They also reflect and validate the popular vision of the events depicted. The most numerous are the author's references to historical genres of folklore (namely, historical song, duma and legend) that accumulate national memory about the events of the past and the legendary personalities. The folk intertextuality of the novel becomes a source of historical data, unfolds the author's attitude towards the described episodes and forms readers' perception of characters and events.

As regards intertextual figures, quotation and allusion turn out to be the most productive ones. All the same, the allusions can be made solely to the works that, in the author's opinion, are familiar to his readership and, consequently, can be reconstituted in full with no effort.

The novel's intertextuality can be divided into two categories:

- the one evaluating the described epoch and characterizing the historical characters;
- the other revealing inner world of the characters, showing their feelings and emotions.

The legend about cynocephali (men having the head of a dog), similarly to the different pieces (the legend, the duma and the historical song) about Palii and his relations with Mazepa fit in the first category. The second category comprises folklore that conveys inner state of Motria Kochubei, mirroring her feelings toward the getman. These are "Duma about Marusia Bohuslavka", Kupala festive songs, lyrical songs and others.

*Key words: intertextuality, folklore, historical novel, quotation, allusion.*

Даниил Лукич Мордовцев – известный писатель-беллетрист второй половины XIX в. Несмотря на известность автора среди читателей, критики-современники, как правило, оставляли без внимания его романы, считая их «бульварными» и относящимися к литературе «второго сорта». Б.Б. Глинский в очерке к 50-летию творческой деятельности Д. Мордовцева отмечает, что «критика обходила его произведения глубоким молчанием или беглыми замечками» [1, с. 234]. Иногда творчество Д. Мордовцева получало полярные отзывы. И.И. Замотин называет писателя «видным представителем исторического романа 60–70-х гг.», произведения которого написаны «живо, нередко художественно» [2, с. 142–143]. Э.С. Литвин, напротив, относит Д. Мордовцева к числу «второсортных романистов», ставя его в один ряд с Вл. Соловьёвым [3, с. 503]. Также стоит отметить, что Д. Мордовцев писал как на русском, так и на украинском языках, и одновременно вошёл в историю двух литератур. В украинской литературе он известен под именем Данило Мордовець. Интересен отзыв И.Я. Франко [4, с. 183–184], который, критикуя русскоязычные романы писателя, высоко оценивает его произведения, созданные на украинском языке. Критик разграничивает литературные ипостаси «мыслителя, учёного и романиста Мордовцева» и «украинско-русского поэта Мордовця». С.А. Ефремов невысокого мнения о Мордовцеве-романисте, он пишет, что автор в истории «не тямить нічогісінько», однако при этом отмечает «іскру широкого почування та безпосереднього ліризму» [5, с. 322] в его произведениях. Однако все критики отзывались о творчестве Д. Мордовцева в целом, редко обращаясь к анализу отдельных произведений.

В последующие годы романы Д. Мордовцева оказываются забытыми. В советском литературоведении исследованием жизни и творчества писателя занимался В.С. Момот. Его исследования носят разносторонний характер: биография писателя [7], его мировоззрение и критические отзывы о нём [6; 7], анализ некоторых наиболее известных романов Мордовцева [7]. Вместе с тем, вне поля зрения исследователя остаются ещё многие произведения, их проблематика и художественные особенности.

В конце 80-х–90-е гг. XX в. происходит всплеск читательского и научного интереса к исторической прозе, что было продиктовано серьёзными общественными переменами, переосмыслением и изменением оценок отдельных исторических периодов и личностей, а также необходимостью нового прочтения произведений, реконструирующих события прошлого. В поле зрения читателей и исследователей попадают произведения малоизвестных, забытых авторов, среди которых и Д. Мордовцев. Творчество писателя – профессионального историка и фольклориста интересно переплетением официального и народного видения прошлого. Причём зачастую в его романах и повестях на первый план выходит именно народная оценка описываемых событий, выражающаяся через интертекстуальные отсылки к фольклору. Таким образом, произведения Д. Мордовцева привлекают к себе внимание необычным, «нетрадиционным» взглядом на известные исторические факты.

В этот период (80–90-е гг.) начинают издаваться его романы, во вступительных статьях к которым [8–11 и др.] даются краткие характеристики творческого наследия писателя. В постсоветский период был защищён ряд диссертаций, посвящённых вопросам «научной

биографии» Д. Мордовцева [12], художественным особенностям отдельных романов [13] и ряда произведений автора [14], а также его творчеству в контексте русской и украинской литературы второй половины XIX в. [15–17].

Однако не проводилось целостного анализа творческого наследия писателя, не обращалось внимание на специфику художественной интерпретации отдельных исторических периодов в его произведениях и на характер обращения автора к русскому и украинскому фольклору.

Актуальность данной статьи обусловлена проблемой малоизученности творческого наследия Д. Мордовцева, необходимостью расширения представлений о многообразии литературного процесса второй половины XIX в., возросшим интересом к исторической прозе и её интертекстуальному анализу, необходимостью исследования форм и способов введения фольклорных произведений в авторские художественные тексты, расширения знаний о многообразии форм связи литературы с фольклором, определения специфики и функций фольклорного интертекста в системе литературного произведения.

Важное место в творчестве Д. Мордовцева занимает тема исторического прошлого Украины, которая находит своё отображение в таких произведениях, как повести «Палий», «Крымская неволя», «Архимандрит-гетман», романы «Сагайдачный», «Булава и бунчук», «Царь и гетман» и др.

Роман «Царь и гетман» интересен переплетением русского и украинского дискурсов [18; 19]. Показательно, что отображение событий русской истории в романе основывается на традициях научных трудов по истории России (С.М. Соловьёв, Н.И. Костомаров) и русских исторических романов первой половины XIX в. В основе принципа отображения и авторских оценок событий украинской истории находится фольклорная традиция и произведения, рассматриваемые нами в качестве интертекста.

Цель статьи – проанализировать специфику и функции фольклорного интертекста романа Д. Мордовцева «Царь и гетман».

В современном научном дискурсе понятия «интертекст» и «интертекстуальность» не всегда чётко дифференцируются, а иногда и употребляются как синонимичные. Однако французская исследовательница Н. Пьеге-Гро разграничивает данные термины. Интертекст она определяет как «совокупность текстов, отразившихся в данном произведении» [20, с. 48], а интертекстуальность как «устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст» [20, с. 48]. Классифицируя интертекстуальные связи [20, с. 84–110], Н. Пьеге-Гро использует критерий «эксплицитности/имплицитности». Так, к эксплицитным связям исследовательница относит цитату и референцию, а к имплицитным – плагиат и аллюзию.

В анализируемом нами романе фольклорный интертекст представлен такими формами интертекстуальности, как цитата и аллюзия. Однако если цитата – это «отрывок текста, эксплицитно и дословно воспроизведенный в другом тексте» [20, с. 228], то аллюзия представляет собой «косвенную отсылку» [20, с. 91–92].

Интертекст в произведении, как правило, может выполнять ряд функций, классификацию которых дал Р. Якобсон [21]. В романе «Царь и гетман» фольклорный интертекст обладает такими функциями, как экспрессивная, опознавательная и метатекстовая.

Описываемая эпоха (начало XVIII в.) – время активных завоеваний и освоения новых территорий. Это период, когда народ в процессе разных военных кампаний сталкивается с представителями других народов и, соответственно, происходит актуализация традиционной оппозиции «свой-чужой». Примером таких представлений может служить цитируемая легенда о песиголовцах, которую рассказывает донской казак. Характерно,

что в русском фольклоре эта легенда не зафиксирована, однако она представлена в украинском фольклоре. Г. Булашев в книге «Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях» [22] среди предполагаемых источников легенды называет произведения древнегреческих и древнеримских писателей, «Алекса́ндреиду», «Книгу Еноха», а также народную и церковную живопись и иконопись. Таким образом, можно предположить, что легенда бытовала на широкой территории (в том числе и среди донского казачества), но зафиксирована только в украинских нарративах, с которыми Мордовцев – выходец из Украины – был, безусловно, хорошо знаком.

Исследователи украинской демонологии отмечают, что песиголовцы в легендах являются «символом жестокости» и «олицетворением опасности от чужеземных народов» [23; 24]. Для героев романа песиголовцы – это турки, с которыми они встречались во время азовских походов. В романе отражены основные представления о людях с песьими головами: живут «на краю света» [25, с. 93], передвигаются на одной ноге, а в случае опасности объединяются в пары («...коли он тихо идет, так на одной ноге скачет, а коли ему нужно наутек, так зараз в сцепку друг с дружкой – и тут уж их сам черт не пмаєт...» [25, с. 96]). Эта легенда аллюзивно восходит к Библии, так как песиголовцы – это слуги Ирода, которые хотели украсть Младенца Иисуса [25, с. 96]. С помощью легенды автор раскрывает народное отношение к противнику и мифологизирует исходящую от него опасность.

Один из главных героев романа, чей образ воссоздаётся путём множественных интертекстуальных отсылок к произведениям устного народного творчества, – фатовский полковник Семён Палий. Так, ещё в начале романа няня рассказывает Мотре Кочубей о полковнике, который «од святой золы уродивсь» [25, с. 49]. Автор цитирует легенду о Палие, состоящую из ряда распространённых фольклорных мотивов: о «чудесном» рождении [25, с. 49–50], получении прозвища «Палий» («...Семеник чорта убив – спалив его. От запорозьци й кажуть: „Оце так козак! Оце так Палий – самого чорта спалив”. А кошовый и каже: „Ну, брате, буде же ты Палием, та йди на Вкраину, та пали от так усяку нехрист, як ты дидька лисого спалив”») [25, с. 51], подвигах («Як оце побаче татарина, так зараз из мушкета – лусь! – и вбив татарина. А як побаче ляха, то зараз шаблюкою – брязь! – и стяв головку у ляшка. А як побачит жидовина, то зараз на аркане его, та на осину и повисит, як собаку...» [25, с. 51]), неуязвимости («А сам вин – Мати Божа! – такий, що его ни куля не бере, ни шабля не вруба, мов зализо» [25, с. 51–52]) и силе полковника («А кинь у его такий, що ледве земля его держить, а на простого коня вин только руку положит, так той кинь на землю пада. А шабля в его в п'ять пуд-таки важка. Як оце який козак провинится, то Палий и дає ему свою шаблю нести, так той бидный аж стогне – не пидниме нести» [25, с. 52]). Когда Мотря замечает, что, по легенде, чёрта спалил святой Юрий, няня говорит, что «то таки святы́й Юрко, а се – Палий» [25, с. 51]. Таким образом, подчёркивается традиционность этого мотива, возможность замены имени одного героя именем другого. С другой стороны, сопоставление Палия со святым может означать сакрализацию полковника в народном сознании и, следовательно, веру в его сверхспособности и непобедимость в любом противостоянии. Постоянный антагонист Палия – Мазепа, который имплицитно сравнивается с нечистым, уже изначально обречён на поражение.

Противопоставление Палия и Мазепы по принципу «протагонист / антагонист» проходит через весь роман. Такая интерпретация образов двух казацких лидеров берёт своё начало из фольклорной традиции. Так, Е.Н. Гончаренко на основе анализа произведений украинского устного народного творчества о Палие и Мазепе делает вывод, что «народ однозначно трактуєт Мазепу как предателя..., авантюриста, нивелирует все его порывы относительно освобождения Украины от московских порядков, и героизирует личность Палия – народного мстителя, который продолжал дело Б. Хмельницкого» [26, с. 62].

Личность Палия мифологизируется уже при жизни полковника. Это свидетельствует о том, что для героев романа Палий – по-настоящему народный казачий лидер, в отличие от Мазепы, в характеристиках которого постоянно акцентируется его польское происхождение. Показательно и их окружение. Мазепу охраняют «сердюки», о которых Д. Мордовцев пишет, что «это были большею частью молодые украинцы, дети наиболее «значных» малороссийских семейств, из коих Мазепа, воспитавшийся на польский лад, старался искусственно выковать нечто похожее на европейское дворянство и польское шляхетство, положительно несовместимое с глубоко демократическим духом казачества и всего украинского народа» [25, с. 41]. О «хлопцах»-казаках Палия в одной из сцен сказано, что они «всю ночь гуляли «на улице» и напролет всю ночь горланили то «Гриця», то «Ой сон, мати», то «Гоп, мои гречаники...» [25, с. 68], тем самым акцентируется внимание на том, что казаки – представители народной украинской культуры, они хорошо знакомы с фольклором, естественны в своём поведении и никому не подражают (в отличие от сердюков Мазепы). Показательно, что Мордовцев не цитирует эти песни, а лишь даёт на них аллюзивную отсылку через название, что является свидетельством их популярности и широкой известности как среди представителей XVIII в. (когда разворачиваются события романа), так и среди современников писателя.

Как в оценке исторических героев, так и в оценке событий, автор ориентируется не на официальную, а на народную историю, отражённую в фольклорных сюжетах и произведениях. Интертекстуальные отсылки к фольклорным текстам выражают авторское отношение к описываемым событиям, передают отношение героев к происходящему и определяют читательское восприятие.

В романе цитируется историческая песня «Ой пише та пише гетман Мазепа» [27, с. 323–326, 327–330], описывающая предательство Мазепы, донос царю на Палия, вследствие чего Палий был сослан в Сибирь [25, с. 158–159]. В некоторых вариантах этой песни, представленных в сборнике «Українська народна творчість. Історичні пісні» под редакцией М.Т. Рильського и К.Г. Гуслистого есть упоминание о Полтавской битве.

Предсказывая ход Полтавской битвы ещё задолго до описываемых событий, автор цитирует думу, которую в романе исполняет бандурист-запорожец на рынке в Фастове:

Хоч у нашего Семена Палия и не велике вийсько охотнее  
Тільки одна сотня, да и та голая. <...>  
Буде паньскую тысячу убраную, <...>  
Буде мов череду гнати,  
Упень рубати,  
Буде великим панам великий страх завдавати... [25, с. 66–67].

Утверждается мысль, что бедное и немногочисленное, но преданное своему предводителю войско готово побороть превосходящих по численности шведов. В романе русские войска выигрывают Полтавскую битву именно благодаря выступающему на их стороне Палию. Казаки, сначала воюющие на стороне Мазепы и шведов, встретив Палия, начинают «бить шведа» и «рубать Мазепу проклятого». Таким образом, сцена, описанная в романе, становится аллюзивной отсылкой к думе.

Отрывок этой же думы автор цитирует, описывая разговор Палия с польским дипломатом Паткулем [25, с. 90], который пытался заставить полковника сдать Белую Церковь. Паткуль, увидевший сначала в Палие обычного «старичка», не понимает, как он столько лет держит в страхе Речь Посполитую и польских магнатов. Но к концу разговора Паткуль приходит к выводу, что это «необыкновенный старик» [25, с. 90].

Следует отметить, что эта дума впервые была напечатана в «Сборнике украинских песен» М.А. Максимовича и до сих пор известна в единственном варианте. Однако, сопоставляя

вариант думы, представленный в сборнике [28, с. 88–91] с отрывком из романа, можно сделать вывод о том, что они не идентичны, хотя и являются, безусловно, вариантами одного произведения. Исходя из этого, можно предположить, что Д. Мордовцев где-то слышал данный вариант думы, но не издал его полностью, или же ему был известен лишь фрагмент этого произведения.

В отдельный тематический блок можно объединить фольклорные произведения, которые связаны с сюжетной линией «Мотря Кочубей – Мазепа». Д. Мордовцев описывает известную историю взаимоотношений гетмана со своей крестницей. Когда Мазепа, выступив в Полтавской битве на стороне Карла, вынужден уйти в Левобережную Украину, Мотря уходит вместе с ним. Как своеобразное пророчество такого финала – цитируемая в начале романа «Дума о Марусе Богуславке», которую Мотря слышала ещё в детстве [25, с. 33–36]. Дума произвела сильное впечатление на девочку, она разрыдалась к концу, и «с той поры никак не могла забыть ни Маруси Богуславки, ни «бидных невольников»...» [25, с. 279–280]. Уже в конце романа – аллюзия на эту думу: «А Мотренька, глядя, как перед нею плавно катились днепровские воды, с грустью думала: «Не течи уже им до Киева, в родную землю, не воротиться им никогда назад из моря, не воротиться, как той поповне Марусе-Богуславке, которая потурчилась, побасурманилась ради роскоши турецкой, ради лакомства поганого...» [25, с. 279]. Себя и Мазепу девушка сравнивает с «бедными невольниками» из думы, которые «не будут знать в чужой земле, когда в христианской земле «Великдень» настанет» [25, с. 280]. Тоску по оставленной родине у Мотри вызывает и песня, которую исполняет запорожец: «Ой зийду я на могилу // Та погляну на Вкраину: // На Вкраїни добре жити, // Добре жити – не тужити...» [25, с. 282].

Свою оценку отношений Мотри и Мазепы автор даёт путём аллюзивных отсылок к купальской обрядовости. Т.А. Бернштам, описывая обряд, отмечает, что «летний солнцеворот был поворотной точкой в игре молодёжи, символизирующий переход девушки во взрослое состояние, дающее право на брачные отношения» [29, с. 237]. Для Мотри же брак и счастье с любимым оказываются невозможными.

В начале романа Мотря, нарвав цветов, идёт проведать заболевшего гетмана-крёстного. Отец, которого она встречает в саду, интересуется, не на Купалу ли собралась девушка [25, с. 41]. Показательно, что в этот же день Мотря выражает желание жить у Мазепы, жалея одинокого гетмана. Описывая этот разговор, Д. Мордовцев акцентирует внимание на «просветлевших», «помолодевших» глазах Мазепы, который говорит, что Мотря даст ему «и здоровье, и молоді годы» [25, с. 45].

Спустя годы, когда Мазепа уже перешёл на сторону Карла, Мотря на празднике Ивана Купала слышит песню «Купала на Івана, // Купався Іван // Та в воду упав...» [25, с. 252–253], которая вызывает у неё воспоминания о её возлюбленном Иване Мазепе накануне его именин, а также создаёт контраст между всеобщим весельем, радостным настроением молодёжи и тоской девушки. Она вспоминает, как «третьем году <...> вместе с ним смотрели в Батурине на купальские огни у берега Десны» [25, с. 252].

Кроме того, как отмечают исследователи, «в репертуар купальских песен часто включаются баллады о происхождении цветка „иван-да-марья“, в который превратились сестра и брат в наказание за инцест» [30, с. 48]. Мазепа – крёстный отец Мотри, и любовные отношения с ним с точки зрения народной морали, греховны, преступны и запретны.

Интересно совпадение имён героев романа и купальской обрядовости. Образы Купала и Марены (варианты – Марина, Маричка), часто воплощённые в чучелах во время купальских игр, символизируют мужское и женское начала. Таким образом, имя Ивана

Мазепы аллюзивно связано с именем (Ивана) Купалы, а имя Мотри созвучно именам Марена / Марина / Маричка.

Итак, произведения устного народного творчества, вошедшие в роман Д. Мордовцева «Царь и гетман» на интертекстуальном уровне, расширяют представления об истории и культуре прошлого, а также отражают и утверждают народный взгляд на описываемые события. Показательно, что автор обращается, в основном, к украинскому фольклору. Это мотивировано тем, что основное действие романа разворачивается в Украине и большинство главных героев – украинцы. Украинский фольклор как интертекст связан с событиями и персонажами украинской истории. Наиболее частотными являются обращения автора к историческим жанрам фольклора (историческая песня, дума, легенда), сохраняющим народную память о событиях прошлого или легендарных личностях. Фольклорный интертекст в романе становится источником исторических сведений, с его помощью выражается авторское отношение к описываемому и формируется читательское восприятие тех или иных героев/событий.

Говоря о формах интертекстуальных связей, следует отметить, что наиболее продуктивными оказываются цитата и аллюзия. Однако аллюзивные отсылки возможны лишь к произведениям, которые, по мнению автора, широко известны читателям, а, значит, полный текст таких произведений может быть восстановлен без труда.

Интертекст романа функционально может быть подразделён на два ряда: дающий оценку описываемой эпохе и характеристику историческим персонажам; раскрывающий внутренний мир героев, передающий их чувства и переживания.

К первому ряду можно отнести легенду о песиголовцах, а также легенду, думу и историческую песню о Палие и его взаимоотношениях с Мазепой. Ко второму же ряду относятся фольклорные произведения, отражающие внутренний мир Мотри Кочубей, её переживания и чувства к гетману: «Дума о Марусе Богуславке», купальская обрядовость, лирические песни и др.

Интересно, что думы в романе принадлежат к разным функциональным рядам. Так, дума о Палие, которая по своему содержанию созвучна описываемым событиям, принадлежит к первому ряду. В «Думе о Марусе Богуславке» исторический фон утрачивает свою актуальность, так как турецкая неволя для героев романа оказывается в прошлом. Именно с этим связано смещение акцентов с описания поступка Маруси и побега невольников на передачу переживаний героев из-за оторванности от родины.

Часто интертекстуальные отсылки к фольклорным произведениям не только дают оценку романским событиям и персонажам, но также могут предсказывать исход событий и повороты в жизни героев («Дума о Марусе Богуславке», дума о войске Палия). Фольклорный интертекст в произведениях писателей второй половины XIX в. – объект дальнейшего исследования.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Глинский Б.Б. Д.Л. Мордовцев // Среди литераторов и учёных. Биографии, характеристики, некрологи, воспоминания, встречи / Б.Б. Глинский. – СПб : Типография Товарищества А.С. Суворина – «Новое время», 1914. – С. 234–267.
2. Замотин И.И. Тенденциозная беллетристика 60-70-х годов / И.И. Замотин // История русской литературы XIX века : в 5 т. ; [под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского; при ближайшем участии А.Е. Грузинского и П.Н. Саккулина]. – Т. 4. – М. : Изд. т-ва «Мир», 1910. – С. 129–159.
3. Литвин Э.С. Валерий Брюсов // История русской литературы в 4-х т. ; [под ред. Н.И. Пруцкова]. – Т. 4. Литература конца XIX–начала XX века (1881–1917) /

- Э.С. Литвин / [редактор тома К.Д. Муратова]. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1983. – С. 480–520.
4. Франко І.Я. Д.Л. Мордовець. Оповідання // Додаткові томи до Зібрання творів у 50 т. / І.Я. Франко. – К. : Наукова думка, 2008. – Т. 53. – С. 183–190.
  5. Єфремов С.О. Історія українського письменства / С.О. Єфремов. – К. : Femina, 1995. – 538 с.
  6. Момот В.С. Д.Л. Мордовцев – писатель-демократ : дисс. на соискание ученой степени к. филол. н. : спец. 10.01.01. / Момот Виктор Семёнович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/162938.html>
  7. Момот В.С. Даниил Лукич Мордовцев. Очерк жизни и творчества / В.С. Момот. – Ростов-на-Дону : Кн. изд-во. – 1978. – 128 с.
  8. Беляев В.Г. Данило Мордовец (Даниил Мордовцев) / В.Г. Беляев // Мордовцев Д.Л. Сагайдачный. Крымская неволя. – К. : Дніпро, 1987. – С. 3–30.
  9. Панов С.И. Д.Л. Мордовцев и его историческая проза / С.И. Панов, А.М. Ранчин // Мордовцев Д.Л. За чьи грехи? Великий раскол. – М. : Правда, 1990. – С. 5–30.
  10. Лебедев Ю.В. Даниил Лукич Мордовцев / Ю.В. Лебедев // Мордовцев Д.Л. Сочинения : в 2 т. – М. : Художественная литература, 1991. – Т. 1. – С. 5–44.
  11. Сенчуров Ю.Н. Исторические видения Даниила Мордовцева / Ю.Н. Сенчуров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://rusbook.com.ua/russian\\_classic/mordovtsev\\_dl/you\\_senchurov\\_istoricheskie\\_videniya\\_daniila\\_mordovtseva.10041](http://rusbook.com.ua/russian_classic/mordovtsev_dl/you_senchurov_istoricheskie_videniya_daniila_mordovtseva.10041)
  12. Варганова Н.А. Д.Л. Мордовцев: проблемы научной биографии периода 1840–1880-х годов : автореф. дисс. на соискание ученой степени к. филол. н. : спец. 10.01.01. «Русская литература» / Н.А. Варганова. – Саратовский государственный педагогический университет. – Саратов, 1997. – 19 с.
  13. Пустовіт В.Ю. Національно-культурний компонент у структурі художнього тексту (на матеріалі роману Д.Л. Мордовця «Сагайдачний») : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня к. філол. н. : спец. 10.01.01. «Українська література» / В.Ю. Пустовіт. – Запорізький державний університет. – Запоріжжя, 2001. – 20 с.
  14. Мещерякова Л.А. Исторические романы Д.Л. Мордовцева (проблемно-тематический и художественный аспект) : автореф. дисс. на соискание ученой степени к. филол. н. : спец. 10.01.01. «Русская литература» / Л.А. Мещерякова. – Самарский государственный педагогический университет. – Самара, 1995. – 17 с.
  15. Бойко Н.Т. Українська історична проза другої половини ХІХ ст. (історичні джерела та художній дискурс) : автореф. дисс. на здобуття наук. ступеня к. філол. н. : спец. 10.01.01. «Українська література» / Н.Т. Бойко. – Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка НАН України. – К., 2002. – 21 с.
  16. Сорочан А.Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе ХІХ века : автореф. дисс. на соискание ученой степени д. филол. н. : спец. 10.01.01. «Русская литература» / А.Ю. Сорочан. – Тверь : Тверской государственный университет, 2008. – 37 с.
  17. Шерман О.М. Художня інтерпретація російського історичного роману другої половини ХІХ століття і проблеми розвитку жанру : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня к. філол. н. : спец. 10.01.02. «Російська література» / О.М. Шерман. – Одеський державний університет ім. І.І. Мечнікова. – Одеса, 1999. – 18 с.



18. Озерова Н.Г. Межкультурный диалог в историческом романе Д.Л. Мордовцева / Н.Г. Озерова // Русский язык и литература : Проблемы изучения и преподавания в школе и в вузе: сборник научных работ. – К. : Изд-во КНУ, 2009. – С. 74–80.
19. Кирильчук О.М. Переплетення дискурсів : інтерпретація минулого в російськомовній історичній романістиці Данила Мордовця / О.М. Кирильчук // Мандрівець. – Тернопіль, 2013. – № 2. – С. 58–62.
20. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро ; [пер. с фр., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косиков]. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
21. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика / Р.О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против» : Сборник статей ; [пер. с англ., франц., нем., чешского, польского и болгарского языков] ; [под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова]. – М. : Прогресс, 1975. – С. 193–230.
22. Булашев Г.О. Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях / Г.О. Булашев. – К. : Довіра, 1992. – 415 с.
23. Курочкін О.В. Народні вірування, демонологія, космогонія / О.В. Курочкін, Г.А. Скрипник [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://etno.uaweb.org/mynuvshyna/r22.html>
24. Демонології української символіка. Песиголовці // Словник символів ; [за заг. ред. О.І. Потапенка та М.К. Дмитренка]. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : [http://ukrlife.org/main/evshan/symbol\\_d.htm](http://ukrlife.org/main/evshan/symbol_d.htm)
25. Мордовцев Д.Л. Царь и гетман / Д.Л. Мордовцев. – К. : Савега, 1992. – 304 с.
26. Гончаренко О.М. Проблема героїзації та нівелювання козацьких ватажків в українському фольклорі / О.М. Гончаренко // Вісник Запорізького національного університету : Філологічні науки. – Запоріжжя : Запорізький національний університет, 2010. – № 4. – С. 54–63.
27. Українська народна творчість. Історичні пісні / За ред. М.Т. Рильського і К.Г. Гуслистого. – К. : Вид. АН УРСР, 1961. – 1068 с.
28. Максимович М.А. Сборник украинских песен, издаваемый Михайлом Максимовичем / М.А. Максимович. – Ч. 1. – К. : В типографии Феофила Гликсберга, 1849. – 114 с.
29. Бернштам Т.А. Молодёжь в обрядовой жизни русской общины XIX–начала XX в. : половозрастной аспект традиционной культуры / Т.А. Бернштам. – Л. : Наука, 1988. – 276 с.
30. Виноградова Л.Н. Купальские песни / Л.Н. Виноградова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. ; [под ред. Н.И. Толстого]. – Т. 3. – М. : Международные отношения, 2004. – С. 47–49.

#### REFERENCES

1. Glinskii, V.B. (1914), D.L. Mordovtsev / V.B. Glinskii // Glinskii V.B. “Among the writers and scholars. Biographies, features, obituaries, memories, meetings”, Sredi literatorov i uchenykh. Biografii, charakteristiki, nekrologi, vospominaniia, vstrechi. – Tipografiia Tovarishchestva A.S. Suvorina “Novoie vremia”, SPb., Russia. – pp. 234–267.
2. Zamotin, I.I. (1910), “Tendentious fiction 60-70s”, Tendentsionnaia beletristika 60-70-kh godov / I.I. Zamotin // “The history of Russian literature of the XIX century: in 5 vol.”, Istoriya russkoy literatury XIX veka : V 5 t. / Pod red. D.N. Ovsianiko-Kulikovskogo; Pri blizhaishem uchastii A.Ye. Gruzinskogo i P.N. Sakkulina. – Vol. 4, Mir, Moscow, Russia. – pp. 129–159.

3. Litvin, E.S. (1983), Valerii Briusov / E.S. Litvin // "The history of Russian literature in 4 vol.", *Istoriia russkoi literatury v 4-kh t. / Pod red. N.I. Prutskova.* – T. 4. "Literature of the late XIX–early XX century (1881–1917)", *Literatura kontsa XIX–nachala XX veka (1881–1917) / Redaktor toma K.D. Muratova, Nauka, Leningradskoe otdeleniie, Leningrad, Russia.* – pp. 480–520.
4. Franko, I.Ya. (2008), "D.L. Mordovtsev. Story", D.L. Mordovtsev. *Opovidannia "Additional volume to the Works in 50 vol."*, *Dodatkovy tomy do zibrannia tvoriv u 50 t. Naukova dumka, Kyiv, Ukraine.* – Vol. 53. – pp. 183–200.
5. Yefremov, S.O. (1995), "The history of Ukrainian literature", *Istoriia ukraiinskoho pysmenstva.* – Femina, Kyiv, Ukraine. – 538 p.
6. Momot, V.S. "D.L. Mordovtsev – writer-democrat", D.L. Mordovtsev – pisatel-demokrat: *Dis. k. filol. n.: 10.01.01.* – available at: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/162938.html>
7. Momot, V.S. (1978), "Daniil Lukich Mordovtsev. Essay on the life and work", *Daniil Lukich Mordovtsev. Ocherk zhizni i tvorchestva.* – Kn. izd-vo, Rostov-na-Donu, Russia. – 128 p.
8. Beliaiev, V.G. (1987), Danilo Mordovets (Daniil Mordovtsev) // Mordovtsev D.L. "Sahaidachnyi. Crimean captivity", *Sahaidachnyi. Krymskaia nevolia.* – Dnipro, Kyiv, Ukraine. – pp. 3–30.
9. Panov, S.I. (1990), "D.L. Mordovtsev and his historical prose", D.L. Mordovtsev i yego istoricheskaiia proza / S.I. Panov, A.M. Ranchin // Mordovtsev D.L. *Za chi grechi? Velikii raskol.* – Pravda, Moscow, Russia. – pp. 5–30.
10. Lebedev, Yu.V. (1991), Daniil Lukich Mordovtsev / Yu.V. Lebedev // Mordovtsev D.L. "Works in 2 vol.", *Sochineniia: v 2 t. – Chudozhstvennaia literatura, Moscow, Russia.* – Vol. 1. – pp. 5–44.
11. Senchurov, Yu.N. "Historic vision Daniil Mordovtsev's", *Istoricheskie videniia Daniila Mordovtseva* available at: [http://rusbook.com.ua/russian\\_classic/mordovtsev\\_dl/ysenchurov\\_istoricheskie\\_videniya\\_daniila\\_mordovtseva.10041](http://rusbook.com.ua/russian_classic/mordovtsev_dl/ysenchurov_istoricheskie_videniya_daniila_mordovtseva.10041)
12. Varganova, N.A. (1997), "D.L. Mordovtsev: problems of scientific biography period 1840-1880-ies", D.L. Mordovtsev: *problemy nauchnoy biografii perioda 1840–1880-ch godov: avtoref. diss. k. filol. n.: 10.01.01. "Russkaia literatura".* – Saratovskii gosudarstvennyi universitet. – Saratov, Russia. – 19 p.
13. Pustovit, V.Yu. (2001), "National cultural component in the structure of literary text (based on the DL Mordovets's novel "Sahaidachnyi")", *Natsionalno-kulturnyi komponent u strukturi khudozhnogo tekstu (na materialii romanu D.L. Mordovtsia "Sahaidachnyi")* : avtoref. diss. k. filol. n. : 10.01.01. "Ukrayinska literatura". – Zaporizhkyi derzhavnyi universytet. – Zaporizhzhya, Ukraine. – 20 p.
14. Meshcheriakova, L.A. (1995), "Historical "D.L. Mordovtsev's novels (topical and artistic aspect)", *Istoricheskie romany D.L. Mordovtseva (problemno-tematicheskii i khudozhstvennyi aspekt)* : avtoref. diss. k. filol. n. : 10.01.01. "Russkaia literatura". – Samarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. – Samara, Russia. – 17 p.
15. Boyko, N.T. (2002), "Ukrainian historical prose of the late XIX century (historical sources and artistic discourse)", *Ukrayinska istorychna proza druhoii polovyny XIX st. (istorychni dzherela ta chudozhnii diskurs)* : avtoref. diss. k. filol. n. : 10.01.01. "Ukrayinska literatura". – Instytut literatury im. T.H. Shevchenka NAN Ukrayiny, Kyiv, Ukraine. – 21 p.
16. Sorochan, A.Yu. (2008), "Forms of representation in the history of Russian prose of the XIX century", *Formy reprezentatsii istorii v russkoi proze XIX veka* : avtoref. diss. d. filol. n. : 10.01.01. "Russkaia literatura". – Tverskoi gosudarstvennyi universitet. – Tver, Russia. – 37 p.
17. Sherman, O.M. (1999), "Artistic interpretation of s historical novel of the late XIX century and problems of genre", *Khudozhnia interpretatsiia rosiiskoho istorychnoho romanu druhoii polovyny XIX stolittia i problemy rozvytku zhanru* : avtoref. diss. k. filol. n. : 10.01.02. "Russkaia literatura". – Odeskyi derzhavnyi universytet im. I.I. Mechnykova. – Odesa, Ukraine. – 18 p.
18. Ozerova, N.G. (2009), "Intercultural dialogue in the D.L. Mordovtsev's historical novel", *Mezhkulturnyi dialog v istoricheskom romane D.L. Mordovtseva // Russian Language and Literature : Problems of learning and teaching in schools and universities: a collection of scientific papers, Russkii yazyk i literatura: Problemy izucheniia i prepodavaniia v shkole i vuze: sbornik nauchnykh rabot.* – Izd-vo KNU Kyiv, Ukraine. – pp. 74–80.

19. Kyrylchuk, O.M. (2013), "Interlocking discourses: interpretation of the past in the Danyl Mordovets's Russian historical Novels", *Perepletennia dyskursiv: interpretatsiia mynuloho v rosiiskomovonii istorychnii romanistytsi Danyla Mordovtsia // Mandrivets*. – Ternopil, Ukraine. – № 2. – pp. 58–62.
20. Pyege-Gro, N. (2008), "Introduction to the theory of intertextuality", *Vvedeniye v teoriyu intertekstualnosti*, Izdatelstvo LKI, Moscow, Russia. – 240 p.
21. Yakobson, R.O. (1975), "Linguistics and Poetics", *Lingvistika i poetika // "Structuralism "pros" and "cons", Strukturnalizm: "za" i "protiv"*. Sbornik statei. Per. s angl., frants., nem., cheshskogo, polskogo i bolgarskogo yazykov / Pod red. E.Ya. Basina i M.Ya. Poliakova. –Progress, Moscow, Russia. – pp. 193–230.
22. Bulashev, G.O. (1992), "Ukrainian people in their legends, religious views and beliefs", *Ukrayinskyi narod u svoiykh lehendakh, relihiinykh pohliadakh ta viruvanniakh*. – Dovira, Kyiv, Ukraine. – 415 p.
23. Kurochkin, O.V. "People's beliefs, demonology, cosmogony", *Narodni viruvannia, demonolohiia, kosmohoniia*, available at: <http://etno.uaweb.org/mynuvshyna/r22.html>
24. "Demonology Ukrainian symbols. Cynocephaly", *Demonolohiyi ukrayinskoyi symbolika. Pesyholovtsi // Characters Dictionary, Slovnyk symboliv / Za zag. red. O.I. Potapenka ta M.K. Dmytrenka*, available at: [http://ukrlife.org/main/evshan/symbol\\_d.htm](http://ukrlife.org/main/evshan/symbol_d.htm)
25. Mordovtsev, D.L. (1992), "Tsar and getman", *Tsar i getman*. – Savega, Kyiv, Ukraine. – 304 p.
26. Honcharenko, O.M. (2010), "Problem glorification and leveling Cossack leaders in Ukrainian folklore", *Problema heroyizatsiyi ta niveluavannia kozatskykh vatazhkiv v ukrayinskomu folklori // Visnyk Zaporizhskoho natsionalnoho universytetu: Filolohichni nauky*. – Zaporizhzhya natsional university, Zaporizhzhya, Ukraine. – № 4. – pp. 54–63.
27. "Ukrainian folk art. Historical songs", *Ukrainska narodna tvorchist. Istorychni pisni / Za red. M.T. Rylskoho i K.G. Huslystoho*. – Vyd. AN USSR, Kyiv, Ukraine. – 1068 p.
28. Maksimovich, M.A. (1849), "Collection of Ukrainian songs, published Mikhailo Maksimovich", *Sbornik ukrainskikh pesen, izdavaemyi Mikhailom Maksimovichem*. – Part 1. –V tipografii Feofila Gliksberga, Kyiv, Ukraine. – 114 p.
29. Bernshtam, T.A. (1988), "Youth in the ritual life of the Russian community in the XIX– early XX century: age and gender aspects of traditional culture", *Molodezh v obriadovoi zhizni russkoi obshchiny XIX–nachala XX v.: polovozrastnoi aspekt traditsionnoi kultury Nauka, Leningrad, Russia*. – 276 p.
30. Vinogradova, L.N. (2004), "Kupala songs", *Kupalskie pesni // Slavic Antiquities. Ethno-linguistic dictionary: 5 vol., Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar: V 5 t. / Pod red. N.I. Tolstogo*. – Vol. 3. – Mezhdunarodnye otnosheniia, Moscow, Russia. – pp. 47.

УДК 809.91 (4 Укр.).+809.91 (4 Фр)

## **МАЙСТЕРНІСТЬ ПСИХОЛОГІЧНОГО ПІДТЕКСТУ (А. БАРБЮС, Е. РЕМАРК, О. ГОНЧАР)**

**Гуменний М. Х., д. філол. н., професор**

*Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К.Д. Ушинського  
вул. Старопортофранківська, 26, м. Одеса, Україна*

**[pdpu@pdpu.edu.ua](mailto:pdpu@pdpu.edu.ua)**

У статті досліджується аспект психологічного підтексту антивоєнних романів А. Барбюса, Е. Ремарка й О. Гончара, а також функції суб'єктивно-інтроспективного авторського начала. Крім того, з'ясовуються стилеві особливості романного жанру вказаних письменників і типологічно-генетична сутність західного антивоєнного роману та аналогічної прози О. Гончара.

*Ключові слова: внутрішній монолог, канони психологізму, загальнолюдський контекст, компоненти автобіографізму, антивоєнний роман, суб'єктивне і об'єктивне.*